

**ПРЕЛОМЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МЫСЛЕЙ А. А. ПОТЕБНИ В ТЕОРИИ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ «ПСИХОЛОГИЯ
ПОЭТИЧЕСКОГО И ПРОЗАИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ», 1910)**

Благодаря тому, что круг интересов Потебни был чрезвычайно широк, его труды стали теоретической базой для исследователей различных отраслей науки: лингвистов, психологов, философов, литературоведов. «Потебня одинаково должен быть дорог и теоретикам мысли и теоретикам искусства» [1]. По мнению современных учёных Потебня стоял у истоков традиции, которую продолжили Е. Г. Кагаров, О. М. Фрейденберг, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Н. И. Толстой и другие [5]. Мысль о влиянии языка на мифологическое сознание ныне связывают с гипотезой Сепира-Уорфа, но первые шаги в этом направлении были предприняты Потебнёй [5]. Многие мысли и идеи Потебни будут сформулированы позже другими исследователями. Так произойдет с идеями разграничения языка и речи, синхронии и диахронии. Он был создателем или стоял у истоков современных подходов к исторической грамматике, исторической диалектологии, фонетике, семасиологии, этно- и социолингвистике. Способность воспринимать мир сквозь призму языка, убеждение в том, что язык формирует мысль, позволили ему увидеть в мифе, фольклоре, литературе производные по отношению к языку моделирующие системы. Через сто лет к сходным идеям придет тартуско-московская школа семиотики [5]. В своей книге Г. Г. Почепцов объясняет, почему он считает Потебню предшественником семиотики в России XIX века: «...сильная теоретичность обобщения, ... задает ... структурность, когнитивные параллели..., четкость отработки лингвистического инструментария и внимание к художественному тексту как основному объекту семиотического подхода» [6].

В начале XX века исследования Потебни привлекли внимание теоретиков символизма. В конце XX века в статьях А. И. Лагунова представлены «...общие тенденции освоения и трансформации идей» Потебни «на разных этапах... развития

символистской теории». Утверждается, что Андрей Белый обращается к трудам Потебни значительно позже В. Брюсова и И. Анненского. Отмечается, что В. Брюсов воспринимал «концепцию А. Потебни в целом», а «для И. Анненского актуальна концепция Потебни о взаимоотношении слова и его восприятия; ... в интерпретации этой концепции обнаруживается типично символистская ее трансформация». Тогда как «А. Белый, отталкиваясь от учения о слове Потебни, решительно меняет акценты» [4]. В заключении статьи А. И. Лагунов приходит к выводу, что «учение харьковского профессора о слове и художественном произведении было востребовано символистской критикой и теорией, причем каждый из деятелей символизма развивал и трансформировал разные аспекты этого учения. Наиболее полное осмысление наследия Потебни через призму символистской теории содержится в статьях и исследованиях А. Белого» [4].

Андрей Белый посвятил специальную статью, в которой мысли Потебни рассматриваются в качестве теоретической основы символизма. Многочисленные переключки с идеями Потебни содержатся и в сочинениях Вяч. Иванова, В. Брюсова и других символистов [5].

В книге «Литература и методы её изучения. Системный и синергетический подход» (2011), в которой представлены в хронологической последовательности методы изучения литературы, восьмая глава называется «Психологические подходы». В ней отмечается, что в «России психологический метод обязан своим развитием, прежде всего, трудам А. А. Потебни и его последователей...» [2]. Кроме того авторы утверждают, что «Большое значение для ОПОЯЗа имели концепции А. А. Потебни, одного из самых ярких представителей психологического подхода» [2], что «разработанная А. А. Потебней лингвистическая поэтика, стала одной из опор формального метода» [2]. Авторы считают, что полемика В. Шкловского с Потебней, «означала на самом деле уяснение собственных истоков» [2]. Известно, что В. Шкловский в статье «Потебня» (1916) анализирует поэтику, изложенную харьковским учёным в работе «Мысль и язык» (1862), и считает, что система Потебни «оказалась неспособной к жизни», что «ошибочность построения поэтики

Потебни может быть уяснена ... по ошибочности тех выводов, к которым Потебня пришел» [10].

Менее всего, по мнению современных учёных, изучено философское наследие Потебни [9].

Цель данной статьи рассмотреть преломление мыслей А. Потебни через призму теории интертекстуальности, актуализировать связь между идеями Потебни и современным интертекстуальным анализом художественных текстов.

Первыми приемниками Потебни авторы книги «Литература и методы её изучения...» считают формалистов: «Шкловский создал свою концепцию под влиянием идей А. А. Потебни и А. Н. Веселовского» [2]. Считая справедливым данное положение, соотнесём некоторые мысли Потебни, изложенные в работе «Психология поэтического и прозаического мышления» (1910) с идеями представителей формальной школы. В суждениях Б. М. Эйхенбаума обнаруживаем больше сходства, нежели различий с представлениями Потебни. Б. М. Эйхенбаум писал, что «...душа художника как человека ... всегда ... должна оставаться за пределами его создания» [2]. Однако и Потебня считал, что «... объяснения ... от самого художника ... не нужны...; ...образ ...освобождается из-под власти художника...; поэт... может вместе с нами ошибаться» [5, с. 231]. Различие лишь в том, что Потебня объективирует образ от своего творца, а Эйхенбаум творца от образа.

Однако, если соотнести это же высказывание Эйхенбаума с другим мнением Потебни: «...в личной жизни поэта находим многое, что может до известной степени объяснить нам происхождение образа» [5, с. 230], то представитель формальной школы естественно перейдёт в разряд оппонентов харьковского профессора.

Ю. Н. Тынянов отмечал, что один и тот же факт может иметь разную функцию... в зависимости от того, с каким рядом он соотносится, что повторное прочтение одного и того же ... текста демонстрирует контекстуальное приращение смысла ... [2]. Представляется, что данные положения коррелируют с рядом мыслей Потебни: кажется, что «...два поэтических образа производят один эффект, но

...при более внимательном наблюдении оказывается, что различные образы настраивают нас различно» [5, с. 230]; «...мы должны признать относительную неподвижность образа и изменчивость его значения. <...> каждый случай понимания художественного образа есть случай ... и создания его значения» [5, с. 232]. Безусловно, мы должны отметить, что учёные разных лет и различных направлений используют и своеобразную терминологию („функция факта” у Тынянова и „значение образа” у Потебни). Тынянов объясняет зависимость функции от других объектов, т.е. речь идёт о контексте. Как представитель психологического направления Потебня связывает появление нового значения образа с воспринимающим сознанием, но сходство мыслей учёных очевидно. Различие в том, что выносятся за скобки формулы (факт/значение образа – контекст – воспринимающее сознание). Справедливым представляется вывод современных авторов, который отражает синтез суждений Тынянова и Потебни: «... произведение ... предстает как система, запускающая движение контекстуальных смыслов разных уровней .... Эта семантическая активность возникает в результате соприкосновения текста с воспринимающим сознанием. Смысл произведения предстает как колеблющаяся, переменная величина» [2].

Формальный метод и формальная школа занимают исключительно важное место в истории литературоведения XX века. Из этой школы вырос структурализм [2]. Следовательно, между русским формализмом, структурной поэтикой и поэтикой интертекста существует генеалогическая связь. В. Руднев, говоря о теории интертекста, ссылается на мнение М. Ямпольского: «теория интертекста вышла из трёх источников: полифонического литературоведения Бахтина, работ Ю. Н. Тынянова о пародии...и теории анаграмм Фердинанда де Соссюра, основателя структурной лингвистики» [7, с. 156]. «После русских формалистов новое слово об интертексте сказали ... Ролан Барт и Юлия Кристева» [7, с. 157].

Говоря об интертексте как диалогическом взаимодействии текстов, в современном литературоведении не часто упоминается о том, что цитата, как основной вид и способ построения интертекстуального текста, имеет древнее происхождение и восходит к античности и средневековью, когда проблема личного

авторства не стояла остро, а тексты рассматривались как плод соборного сознания, накопившего эзотерические знания о духовном бытии универсума. Включение цитат без кавычек и ссылок на их принадлежность в свой текст было обычным делом. В поздней античности было модно создавать цитоны. Вероятно, это позволило М. Бахтину сделать вывод, что «в мировой литературе вообще безоговорочно сказанных и чисто одноголосых слов, вероятно, очень мало» [8, с. 26].

Рассуждая о природе слова, Потебня дважды варьирует мысль об индивидуальном наполнении содержанием звукового облика слова: «дитя... совершенно самостоятельно составляет себе образы и понятия» [5, с. 210], «... значение производится нами самостоятельно» [5, с. 211]. Учитывая, что автор устанавливает тождество между структурой слова и структурой художественного текста, это положение можно понимать широко. Но в обоих случаях подчёркивается зависимость наших представлений от традиций. Семантизация образа возникает «...по нашим указаниям...», «...под давлением придания...» [5, с. 210–211]. В рассуждениях А. Потебни о функциях слова отмечается, что «слово есть средство преобразовать впечатление для создания новой мысли», «... всякое человеческое творчество есть видоизменение уже существующих элементов», «... мысль возникает не без влияния на неё других лиц» [5, с. 213]. При этом А. Потебня комментирует, что это простое положение было ясно сформулировано лишь В. Гумбольдтом в XIX веке.

Предположим, что положения А. Потебни соотносимы с теорией цитации и интертекстуальной поэтике. Проблема цитирования изучается в работах М. Бахтина, Е. Мелетинского, Ю. Кристевой [8, с. 25–29]. Приведем наиболее презентативное высказывание Е. Мелетинского «... раз возникнув в литературе ничего не исчезает бесследно, а подвергается трансформации и новой интерпретации» [8, с. 27] и Ю. Кристевой «любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [8, с. 28]. Эти суждения теоретиков интертекста близки взглядам А. Потебни «образы поэтические могут иметь длинную родословную, теряющуюся в ... веках» [5, с. 229–230], высказанным ещё в 1910 году.

Исследуя механизм семантической наполняемости слова и образа, А. Потебня формулирует положения очень близкие концепции приращения смысла в теории интертекстуальности: «... каждый раз, применяя эту пословицу, мы создаём новое её значение» [5, с. 229], «... если впечатления повторялись и накладывались одно на другое, то сочетания признаков ... будут безгранично разнообразны» [5, с. 226], «... значение образа беспредельно» [5, с. 233], «... слово устанавливает между замкнутыми в себе личностями связь, не уравнивая содержание этих личностей», «...мысль говорящего не передаётся, но слушающий, понимая, создаёт свою мысль» [5, с. 226].

Рассматривая вопрос об отношении поэзии к слову, А. Потебня высказывает суждения также близкие теоретикам интертекстуальности: «... образ применяется к различным случаям, и в этом состоит его жизнь» [5, с. 229]. Более того учёный считал, что только поистине художественный образ обладает полисемантической и способностью к многократным комбинациям.

Возможно, с некоторой осторожностью, учитывая принцип историзма, всё же можно предположить, что А. Потебня впервые в русском литературоведении осуществил интертекстуальный анализ пословиц на уровне смысла. Филолог рассматривает фразу Горация («Из-за сумасбродства царей страдают (простые) ахейцы») и украинскую пословицу («Паны скубуться – у мужиков чубы трещать»), так как их объединяет одна и та же мысль [5, с. 229]. Далее автор предлагает свой метод анализа произведений: 1) сложить два значения из разных произведений с одной и той же мыслью; 2) отвлечь общее и устранить частное; 3) определить семантику образа (в состав образа, «кроме личных условий жизни поэта, входит предание, усвоенное им и доступное исследованию») [5, с. 229–230]. Завершается этот фрагмент работы мыслью обобщающего характера: «...такому обобщению можно подвергнуть всякие...понятия, ... в которых всегда можно отыскать сходство» [5, с. 229–230]. Очевидно, что учёный назвал предмет исследования (текст и претекст), а также способы и цель интертекстуального анализа, известные современной науке, выяснение функций цитирования слова, образа или смысла.

Именно определение «преданий» и «частного» и является задачей интертекстуального исследования текста.

Таким образом, исследования А. Потебни, посвящённые структуре и функции слова, содержат истоки теории интертекстуальности и интертекстуального анализа. Безусловно, что учёный не ставил такую цель, его исследования проведены в рамках психологического направления и касаются теории восприятия смысла. Однако и М. Бахтин писал об «особой позиции творящего и воспринимающего сознания» [8, с. 27]. В концепции А. Потебни присутствует два субъекта: создающий и воспринимающий. Кристева сформулировала мысль о бессознательном характере интертекстуальной игры, о теоретическом уничтожении субъекта [8, с. 29].

Представляется было бы интересно соотнести теоретические положения Потебни с типологией интертекста Жолковского и функциями интертекстуальных элементов Лушниковой. Также за пределами этой статьи осталось выяснение сути трансформации понятия «знак», который А. Потебня использует для определения трёхчастной структуры слова, учитывая теорию знака Ж. Дерриды.

Литература

1. Белый А. Мысль и язык. (Философия языка А. А. Потебни) [Электронный ресурс] / А. Белый. – Логос, 1910, № 2, с. 240–258. – Режим доступа : <http://crecleco.seriot.ch/textes/Belyj10.html>
2. Зинченко В. Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Литература и методы её изучения. Системный и синергетический подход: учеб. пособ. [Электронный ресурс] / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 280 с. Режим доступа: <https://www.hse.ru/>.
3. Лагунов А. И. Идеи А. А. Потебни в эстетических трудах Андрея Белого [Электронный ресурс] / А. И. Лагунов. – Режим доступа : http://www-philology.univer.kharkov.ua/katedras/prof_sites/lagunov/potebnia_II.pdf
4. Лагунов А. И. Учение А. А. Потебни в эстетических концепциях русских символистов (В. Брюсов, И. Анненский) // Вестник ХНУ им. В.Н. Каразина. – 2004. – № 607. – Серия филология. – Вып. 39.

5. Потебня А. А. Слово и миф [пред. Байбурина А. К., примеч. Топоркова А. Л.] / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 622 [2] с.
6. Почепцов Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года. Учебно-справочное издание [Электронный ресурс] / Г. Г. Почепцов – М. : изд-ство «Лабиринт», – 1998. – 336 с. – Режим доступа : http://teatre.ua/upload/all/lib/history_of_russian_semiotic.pdf
7. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М. : «Аграф», 2003. – 599, [9] с.
8. Соценко Н.Ф. Интертекстуальность прозы А. И. Куприна 1890 – 1900-х годов : дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.02 / Соценко Наталия Фёдоровна. – Харьков, 2008. – 210 с.
9. Хайрулин И. И. Философские идеи в наследии Потебни [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/filosofskie-idei-v-nasledii-aa-potebni>.
10. Шкловский В. Б. Потебня [Электронный ресурс] / В. Б. Шкловский. – Режим доступа : <http://www.opojaz.ru/shklovsky/potebnja.html>